

Шэнь Хуайчжан раньше любил общаться с актёрами и музыкантами, большинство из которых зарабатывали на жизнь продажей улыбок и тел. Некоторые, не зная стыда, добровольно унижали себя, и он считал их низшими, заслуживающими того, чтобы их топтали и использовали. Цзинь Луаньдянь был совсем другим. Сколько он жил, столько его и держали в сердце. Его врождённая уверенность и открытость были тем, чего невозможно было достичь никакими заслугами и славой. Это завораживало Шэнь Хуайчжана, вызывало в нём зависть и желание владеть, разрушать, и в то же время ему не хотелось, чтобы тот исчез.

Шэнь Хуайчжан схватил его руку. Ладонь Цзинь Луаньдяня была тонкой и мягкой. Он наклонился и поцеловал её, затем снова, а потом начал покрывать мелкими поцелуями.

Цзинь Луаньдянь уже начинал засыпать, но щекотка в ладони разбудила его. В полудрёме он увидел, как Шэнь Хуайчжан, вытянув губы, возится в его руке. Сонно вырвав руку, Цзинь Луаньдянь дал ему несильную пощёчину и, как ни в чём не бывало, повернулся на бок. Шэнь Хуайчжан на мгновение замер, словно не мог поверить, что его ударили. Затем он взобрался на кровать и тяжело опустился на Цзинь Луаньдяня.

Цзинь Луаньдянь окончательно проснулся. Он резко развернулся и сбросил Шэнь Хуайчжана с себя, раздражённо проговорив:

— Подлец, дашь ты мне спать или нет?

Шэнь Хуайчжан не стал тратить слов. Он снова прижал Цзинь Луаньдяня, одной рукой схватил его запястья и прижал к животу, а другой просунул язык в его рот, раздражая и трогая. Цзинь Луаньдянь почувствовал отвращение и хотел сомкнуть зубы, но подбородок был крепко зажат.

Прошло какое-то время, и Цзинь Луаньдянь начал задыхаться, издавая влажные звуки глотания, его дыхание стало неровным. Шэнь Хуайчжан, тяжело дыша, отпустил его губы, встал на колени между его ног, поднял одну ногу и положил её на свои бёдра. Цзинь Луаньдянь, измученный этим злым и язвительным человеком, даже в полубморочном состоянии попытался пнуть его.

Шэнь Хуайчжан поймал его ногу и нежно погладил. Цзинь Луаньдянь, почувствовав щекотку, сразу же отдернул ногу, извиваясь и вырываясь, как рыба. Он ловко спрыгнул с кровати босиком, указал на Шэнь Хуайчжана и громко закричал:

— Вонючий бородач, у меня болит зад, я больше не могу! Если хочешь продолжать, иди сам проделай дырку в стене!

Шэнь Хуайчжан нахмурился. Цзинь Луаньдянь перед ним либо притворялся, либо упрямылся, никогда не глядя на него добрым взглядом. Шэнь Хуайчжан быстро прижал его обратно к кровати, его потная грудь давила на него. Он поцеловал его в губы дважды, затем с нетерпением вытащил рубашку из-под пояса и задрал её, схватил его за талию, а губы медленно поползли вниз по груди.

Цзинь Луаньдянь забил ногами, а сжатыми в кулаки руками стал колотить по голове и плечам

Шэнь Хуайчжана:

— Не дави на меня! Убирайся!

Шэнь Хуайчжан, почувствовав боль, схватил тонкую простыню и замотал их обоих. Связанные, они начали бороться, сначала с криками и бранью, потом — лишь с тяжёлым дыханием. Вскоре из-под простыни стали доноситься звуки облизывания, влажное чмокание и сдержанные стоны Цзинь Луаньдяня.

Спустя некоторое время Цзинь Луаньдянь внезапно затрясся всем телом, неловко повернул голову и, покраснев, спрятался в подушках. Шэнь Хуайчжан выбрался из-под простыни, одной рукой опёрся на кровать, наклонился над Цзинь Луаньдянем и другой рукой сжал его шею, заставляя смотреть на себя.

В комнате был тусклый лунный свет, и Цзинь Луаньдянь не мог разглядеть лицо Шэнь Хуайчжана, но видел, как его кадык двигался, и слышал, как он смачно проглотил что-то.

Цзинь Луаньдянь испытал сильное потрясение.

Всю ночь он не мог спокойно спать — Шэнь Хуайчжан щипал, трогал и кусал его.

В глухую ночь Шэнь Хуайчжан поцеловал его за ухом и спросил безумные слова:

— Почему так быстро? Обычно как ни трогаю — никакой реакции.

Цзинь Луаньдянь, чувствуя унижение, увлажнил глаза, но мог только проглотить обиду:

— Ты не знаешь, что делаешь. Мой старший брат тебя не простит.

Слова Цзинь Луаньдяня не имели никакой угрозы. Шэнь Хуайчжан намеренно спровоцировал его:

— Твой старший брат тоже трахал тебя в зад? Тогда мы с ним как сношеники.

Цзинь Луаньдянь в ярости закричал:

— Мой брат не такой, как ты! Грязный ублюдок, мелкий подлец!

Шэнь Хуайчжан самодовольно ухмыльнулся:

— Тогда иди и пожалуйся. Посмотрим, сможет ли он за тебя заступиться. Если бы не он, ты бы давно сбежал, не так ли?

Цзинь Луаньдянь злился всё сильнее, но не мог найти слов, лишь ударил его локтем в живот.

Шэнь Хуайчжан злорадно улыбнулся:

— Ты действительно забавный.

Цзинь Луаньдянь наконец понял, почему Шэнь Чжэнжун не ценил Шэнь Хуайчжана. Дело было не в его способностях, а в его злобе. Эта злоба не могла быть скрыта, она просачивалась в его слова, заставляя людей чувствовать холод.

После нескольких дней сильной жары к вечеру пошёл дождь, и ночной воздух был ещё влажным, словно окутанным туманом.

Тан Хуаньхоу, заскучав в уютной комнате виллы, воспользовался прохладной погодой и пригласил Шэнь Хуайчжана посмотреть на красоты древней столицы — реки Циньхуай, заодно избавившись от надоедливых, как пластырь, политиков.

Шэнь Хуайчжан с радостью согласился, взял с собой Цзинь Луаньдяня, и они отправились в Храм Конфуция. Выйдя на улицу Пинцзянфу, Тан Хуаньхоу и его жена разошлись с ними, и они, не зная местности, побрели за толпой.

Медленно поднявшись на мост Пинцзян, Цзинь Луаньдянь остановился и не пошёл дальше. Фонари отражались в воде, а за ним мелькали люди и предметы, как в калейдоскопе.

Шэнь Хуайчжан спросил:

— Почему остановился?

Цзинь Луаньдянь, в плохом настроении, не проявлял интереса:

— Я не знаю дороги, не хочу идти дальше.

По реке сновали живописные лодки, на улице царил суета, с обоих берегов доносились томные звуки музыки из публичных домов. Шэнь Хуайчжан был в хорошем настроении, и даже несмотря на то, что Цзинь Луаньдянь его разочаровал, он не слишком разозлился:

— Тогда сядем на лодку. В конце концов, река не потеряется.

Они сели на изящную лодку, избегая других судов, и, когда лодка медленно вышла на середину реки, встретили супругов Тан. Тан Хуаньхоу любезно пригласил их на свою резную лодку, и Шэнь Хуайчжан, не желая отказывать, с радостью согласился.

Цзинь Луаньдянь стоял за узорчатым окном, отодвинув занавеску из бусин и глядя наружу. Вечерняя жара была несильной, и после дождя туман был негустым, но берега были окутаны дымкой, и было непонятно, откуда она взялась. Возможно, потому, что, несмотря на смену пейзажей, пёстрые фонари и мягкий свет луны всегда отражались в бесконечных волнах, а непрерывный плеск вёсел кружил голову в атмосфере роскоши.

Юэ Гуаньшань вышел из каюты и вышел на палубу подышать воздухом. Цзинь Яо последовала за ним, жалуясь:

— Мы ведь договорились просто отдохнуть и погулять, почему же мы опять обсуждаем дела без конца?

Цзинь Яо подняла лицо к нему:

— Гуаньшань, давай арендуем другую лодку, не будем заниматься этим со старыми генералами!

Юэ Гуаньшань сунул руку в карман брюк, достал сигаретный портсигар и щёлкал им, чтобы скоротать время:

— Нельзя. Если отец не найдёт меня, он снова будет злиться.

Цзинь Яо взяла его за руку и легонько потрясла:

— Тогда давай прогуляемся по улице, скоро вернёмся. Мне действительно скучно.

В этот момент мимо проплыла лодка с певицами, на носу которой сидели две женщины с пипа и хуцинем, с опущенными глазами и кокетливыми улыбками, предлагая свои услуги. В этом флёре ветрености Юэ Гуаньшань посмотрел на них подольше, и Цзинь Яо сказала:

— Гуаньшань, не будь как мой папа!

Цзинь Ванькунь не женился снова все эти годы, потому что Цзинь Яо была против. Если бы он женился, это вызвало бы скандал и не продлилось бы долго. Но тайно он развлекался с проститутками. Цзинь Яо, как избалованная богатая девушка с чистым прошлым, не могла вмешиваться в это, хотя её отец не стеснялся.

Цзинь Яо, видя, что Юэ Гуаньшань ещё не поддался дурным привычкам, снова предупредила его:

— Они совсем нечистые!

Юэ Гуаньшань был не в настроении. В своё время он категорически возражал против того, чтобы князь-завоеватель Юэ перешёл на сторону Национального правительства. Теперь, когда мост сожжён и мельницу разобрали, поздно сожалеть. Лучше бы они остались владеть горами.

Юэ Гуаньшань, раздражённый её болтовнёй, хотел ткнуть её, но заметил, что ягодички Цзинь Яо, кажется, стали больше, а грудь начала округляться. Она больше не была маленькой девочкой, которая бегала за ним, и он не мог просто так прикасаться к ней. Вместо этого он сказал:

— Эй, девочка, я давно тебя не видел, ты выросла и уже знаешь, чем они занимаются.

Цзинь Яо широко раскрыла свои прекрасные глаза:

— Что за слова? Разве я не расту, если ты меня не видишь? В следующем году мне будет семнадцать.

<http://bllate.org/book/15577/1386816>